

Иеромонах Никон (Скарга)

РЕЦЕПТО
ГИМНОГРАФИЯ

Методологические наброски

ОПТИНА ПУСТЫНЬ

Москва 2022

УДК 801.6(075.8)
ББК 83я73
Н64

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС P22-122-0522

Рекомендовано к изданию
Редакционно-издательским советом ПСТГУ

Рецензент

канд. филол. наук *А. Ю. Ницифорова*,
ст. науч. сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького,
преподаватель ПСТГУ и Сретенской духовной академии,
член Международного общества литургики (*Societas Orientalium Liturgiarum*)

Никон (Скарга), иеромон.

Н64 Ремесло гимнографа : Методологические наброски / Иеромонах Никон (Скарга). – Москва : Изд-во ПСТГУ, 2022. – 228 с.: ил.

ISBN 978-5-7429-1398-6

Гимнотворчество есть неотделимая часть жизни и традиции Православной Церкви. В этом русле в веках прославились многие песнописцы – от прп. Иоанна Дамаскина до свт. Афанасия (Ковровского). В наши дни занятие ремеслом продолжается, нашими современниками составляются многие службы новомученикам и новым святым. Именно им, гимнографам наших дней, адресована эта книга, помогающая более глубоко осмыслить исторический путь церковной поэзии, ее символический язык и риторический инструментарий и использовать в полной мере накопленный многими столетиями опыт гимнотворчества в своих произведениях, в своем ремесле. В книге собран наиболее обширный репертурий риторико-гимнографических фигур, которые использовали древние песнописцы, что представляет и исследовательский, и практический интерес. Каждая глава книги построена так, что может служить незаменимым подспорьем и руководством при новом гимнотворчестве.

Книга может быть интересна не только современным гимнографам Русской Православной Церкви, специалистам, преподавателям в области литургики, но и студентам богословских вузов, а также широкому кругу любителей церковной поэзии.

УДК 801.6(075.8)
ББК 83я73

ISBN 978-5-7429-1398-6

© Введенский ставропигиальный мужской монастырь
Оптина пустынь, 2022
© Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета, 2022

Содержание

Предисловие	5
Глава первая. ОБЩАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ЦЕРКОВНОЙ ГИМНОГРАФИИ	11
§ 1. Агиографический контекст в гимнографии	21
§ 2. Проблема поэтики в гимнографии	26
§ 3. Проблема типикарного характера	35
Глава вторая. СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ЖАНРОВ	45
§ 1. Структура гимнографических жанров	50
§ 1. 1. Строение подобна	51
§ 1. 2. Схема строения подобна	57
§ 1. 3. Строение тропарных жанров: тропаря, седальна и кондака	58
§ 1. 4. Строение светильна	59
§ 2. Содержание гимнографических жанров	61
§ 2. 1. Содержание стихир	62
§ 2. 2. Содержание тропарных жанров	64
§ 2. 3. Содержание икоса	66
§ 2. 4. Содержание светильна	66
§ 3. Гимнографический макрожанр — канон	66
§ 3. 1. Структура канона	66
§ 3. 2. Схема строения песни канона	68
§ 3. 3. Содержание канона	76
§ 4. Акафист	81
§ 4. 1. Структура акафиста	82
§ 4. 2. Содержание акафиста	86
Глава третья. О РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУРАХ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТРОПАХ	91
§ 1. Особенности древнееврейской поэзии	95

§ 2. Риторические фигуры	101
§ 3. Тропы	119
Глава четвертая. СИМВОЛИЧЕСКИЙ ЯЗЫК ГИМНОГРАФИИ. ЭКЗЕГЕЗА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ	139
§ 1. Герменевтические принципы в гимнографии	142
§ 2. Экзегетический метаязык гимнографии	153
Глава пятая. МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭКЗЕГЕЗА	167
§ 1. О закономерности выбора подобнов и музыкальной «одежде» слова	167
§ 2. О мнемотехнической и анамнестической функции подобнов	186
§ 3. Таблица подобнов М. А. Моминой и пояснения к ней	192
ПОСЛЕСЛОВИЕ	201
ПРИЛОЖЕНИЯ	204
1. Толкование гласов в «Азбуке певчей»	204
2. Характеристика гласов в Толковом Типиконе, составленная М. Скабаллановичем, профессором Киевской духовной академии	205
3. Толкование на гласы Анании Нарекаци	208
4. К вопросу о второй песни песенного канона	209
Библиография	223

Предисловие

Гимнография — это живой и неумолкаемый голос Церкви, поэтический и богословский ее язык. Посредством гимнографии Церковь влагает в наши сердечные ушеса богооткровенные истины, непостижимые догматы, эту твердую пищу она посредством поэтики смягчает, делает сладкой и удобоваримой для нашего интеллекта. «Духовная сладость божественных песнопений, — пишет прп. Максим Исповедник, — выражает радость божественных благ, которая возносит души к чистой и блаженной любви к Богу — с одной стороны, а с другой — внушает сильнейшее отвращение к греху»¹.

Это антиномическое определение, высказанное прп. Максимом, раскрывает основную суть и цель гимнографии — возвеселить и усладить душу Богом и, таким образом, внушить ей отвращение к горькому греху. Таково направление гимнографии в области церковно-этической или нравоучительной. Что касается области богословия, то гимнография выступает здесь в роли некоей искусной и приятнейшей посредницы, которая своих приверженцев мало-помалу обучает искусству искусств — молитве церковной. Затем раскрывает тайны боговоплощения и богообщения, причем делает это в легко воспринимаемых и усладительных для слуха и смысла речениях. Научает воздавать Божие — Богови, святым — святое, обучает земнородных говорить языком ангелоподобным. В риторическом инструментарии гимнографии находится всегда нужное и готовое слово, могущее легко и скоро умилоствить Творца, Бога Слово, прославить Его благодать, ублажить лики святых и в конечном счете сочетать в словесный союз и привести

¹ *Максим Исповедник, прп.* Мистагогия. М., 2004. С. 232.

в словесное общение Церковь земную с Церковью небесною, в чем и заключается главное священнодействие гимнографии.

Интерес к гимнографии в последнее время становится все более и более значительным. Это свидетельствует о внутреннем духовном росте всей полноты Христовой, т. е. верующих, которые начинают простираť свои интересы и стремления к более твердой пище, свойственной уже мужам совершенным (1 Кор. 3: 2).

В самом деле, наша Церковь переживает сейчас сложную эпоху. После гонений на Церковь, когда в восстановленных храмах вновь зазвучали «дивные и чудные дела Господа», воспеваемые за богослужением, естественным становится обратить свой внешний и внутренний слух к тому, что «есть едино на потребу». Эпоха гонений родила «в жизнь вечную» многочисленный сонм святых, новомучеников и исповедников Русских. И каждому из новых святых стоит насущная и неотложная задача составить богослужебное последование, которое должно соответствовать церковным правилам и канонам.

Современное гимнографическое творчество набирает больший размах, чем стремление к освоению внутренних законов этого искусства и его методологии. Но, к сожалению, попытки и опыты гимнотворчества зачастую остаются неудачными. Правда, бывают опыты положительные: встречаются прекрасные и оригинальные службы, которые мало чем уступают примерам древней гимнографии. Но таких — крайне мало.

И дело не в том, что нет церковных филологов или одаренных поэтическим чувством людей, порой все это можно обрести в одном лице. Но попытка составить гимнографический текст венчается не всегда положительным результатом. *Основная проблема, на наш взгляд, заключается в том, что отсутствуют учебники и специализированные пособия по практической гимнографии, где бы разъяснялся принцип построения гимнографического текста, объяснялись бы закономерности поэтических форм и риторические приемы, которые использовали древние церковные песнописцы, давались бы научные рекомендации, руководящие начинающих гимнографов к профессиональному освоению этой церковной науки.* Все это позволило бы им избежать ошибок в этом нелегком и высокохудожественном творчестве.

Наш труд является попыткой создать пособие по практической гимнографии, которое поможет даже не имеющим специального филологического образования начинающим гимнографам усвоить основные конструктивные принципы создания гимнографических текстов. Не учитывая эти принципы, использовавшиеся в литературе как древнего, так и Нового времени, гимнографический текст лишается поэтической красоты и, в лучшем случае, становится исторической прозой, изложенной в возвышенном стиле. Книга не является учебником, но носит характер методологического освоения данной проблематики. В тексте данного издания использованы фрагменты более ранних работ автора.

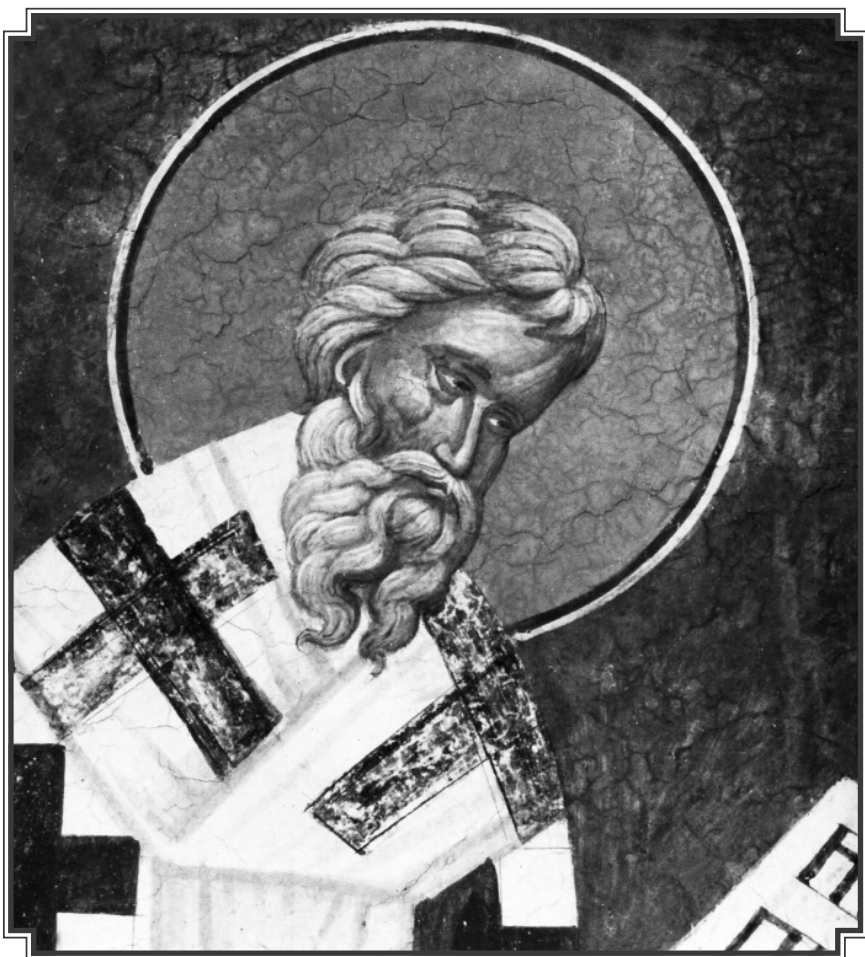
Необходимым долгом считаю выразить сердечную благодарность тем людям, без которых эта книга не вышла бы в печать: наместнику монастыря Оптиная пустынь епископу Можайскому Леониду, викарию Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла; приснопамятному доктору церковной истории, профессору прот. Георгию Ореханову, проректору ПСТГУ; приснопамятной проф. Ирине Евгеньевне Лозовой; канд. филол. наук Александре Юрьевне Никифоровой — «музе» гимнографических исследований; иеросхимонаху Афанасию Симонопетриту — гимнографу Святой горы Афон; старшему преподавателю церковнославянского языка Наталье Ефимовне Афанасьевой (МДА); научному сотруднику НИОНИ РПЦ ПСТГУ Ольге Игоревне Хайловой и всем, кто так или иначе принимал участие в подготовке и оформлении этой книги.

Глава первая

ОБЩАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
ЦЕРКОВНОЙ
ГИМНОГРАФИИ

Свт. Андрей Критский

Гимнография является самостоятельным «литературным» жанром церковной письменности. Специфика этого жанра далеко выходит за рамки филологии, но включает в себя и такие церковные дисциплины, как риторика и гомилетика, догматика и патристика и, безусловно, поэтика, эстетика и музыка, хотя последние дисциплины и не являются чисто церковными науками. Если, конечно, не забывать, что иконография строится из элементов эстетического искусства, что поэтика входила в курс семинарского обучения в дореволюционную эпоху. А музыкальный элемент всегда был присущ богослужебной церемонии: в Ветхом Завете — в сопровождении музыкальных инструментов, в Новом — нерукотворенным органом, голосом человеческим.

Вместо того чтобы расширить горизонт познания и пытаться проникнуть в многогранную природу эстетических элементов этого жанра, преобладает движение в обратном порядке, т. е. упрощение гимнографического текста путем уменьшения смысловой нагрузки и замены сложных стилистико-поэтических приемов. Такой подход основан главным образом на том, чтобы текст привести к нормам, соответствующим понятию современного человека. Но такая благовидная цель скрывает в себе множество «подводных камней», о которые может разбиться весь «корабль» гимнографического творчества.

Природа гимнографического языка всегда была и должна оставаться притчевой. Сам Господь Иисус «говорил народу притчами, и без притчи не говорил им» (Мф. 13: 34). Церковь усвоила этот урок и свой повседневный педагогический язык, которым является гимнография, облекла в притчи или придала ему притчевый характер.

Ближневосточная культура притчи перешла в византийскую гимнографию естественным путем, т. е. вместе с благовествованием Евангелия. Непосредственными поэтическими звеньями в этой цепи являются такие легендарные личности, как прпп. Ефрем Сирийский и Роман Сладкопевец, да и вообще значительная плеяда песнописцев VI, VII и даже VIII вв. вплоть

до Иоанна Дамаскина вышла именно из монастырей Сирии и Палестины¹. Поэтому «можно считать доказанным, что и по форме, и по содержанию решающим в ней (гимнографии) оказалось влияние не греческой, а семитической поэтики. Самые ранние формы этой гимнографии — тропарь и кондак — показывают зависимость от сирийской поэзии. Таким образом, место пения в византийском богослужении определилось двумя «координатами»: его место в структуре богослужения — то, что мы называем его литургической функцией, — восходит к церемониальному, “торжественному” пониманию культа, характерному для эллинистического литургического благочестия; его содержание и поэтическая форма — к раннехристианскому — библейскому и “семитическому” преданию»². В основе библейской педагогики всегда лежала притча. А «Библия, как известно, всегда была нормой для каждой христианской культуры, а значит, камертоном, по которому старалась себя построить каждая христианская литература»³. Библизм христианских песнописцев — это их кредо. Приточность, энигматичность (загадочность) гимнографического языка — это их стиль. Стиль, благодаря которому они примыкают к разряду библейских «литераторов» — пророков, изъясняют пути Промысла Божия теми же образами и способами. Здесь налицо их сотрудничество с Духом Христовым, говорящим к народу всегда притчами (см. Мф. 13: 3).

Притча — это язык образов. В притче «имена и метафоры суть “иконы”, которые открывают и прячут одновременно»⁴.

Популярность притчи и одновременно универсальность приточного языка заключается в том, что притча и ее «язык» оказываются гораздо более понятны и доступны как самому простому, так и самому умудренному слушателю.

«Над ранневизантийской литературой (и, шире, над литературой раннего Средневековья) господствует фундаментальный

¹ См.: *Георгий Флоровский, прот.* Восточные отцы. М., 2005. С. 482.

² *Александр Шмеман, прот.* Литургическое богословие. СПб., 2006. С. 142.

³ *Аверинцев С.* Другой Рим. СПб., 2005. С. 149.

⁴ *Саврей В. Я.* Антиохийская школа в истории христианской мысли. М., 2012. С. 172.

поэтический принцип “пара-болы” и “пара-фразы” (παράβολη и παράφρασις). Он связан со столь же фундаментальным мировоззренческим принципом “пара-докса”, хотя в силу специфики эстетических форм сознания не может быть с ним отождествлен. В пояснение категории парадокса заметим, что (“неимоверное”) — одно из наиболее характерных слов в лексиконе ранневизантийской сакральной и мирской риторики. Μυστήριον ξένον ὀρώ, “таинство чудное вижу и неимоверное” — это восклицание из рождественского канона Космы Маюмского может служить примером вместо десятков и сотен ему подобных. Такая коренная структура христианского парадоксализма, к тому же, что весьма важно, увиденная сквозь призму греческого риторического темперамента. Мир христианина наполнен исключительно “чуждыми” и “новыми”, “невероятными» и “недомыслимыми”, “неслыханными” и “невиданными”, “странными» и “неисповедимыми” вещами. В одном из самых выдающихся памятников византийской церковной поэзии VI или VII вв. говорится: “познать знание незнаемое”. Это одновременно и очень ответственная формула христианского мировоззрения, и риторическая игра. Ибо раннесредневековая эстетика “парадокса” — тоже плод синтеза, сопрягавшего разнородное»¹.

Кроме притчи, природа которой гармонично растворилась в гимнографическом жанре, есть еще один поэтический жанр, оказавший немалое, а порой, кажется, и существенное влияние в гимнографическом искусстве. Это гномы — малая форма дидактической и философской поэзии. Греческое слово γνώμη или латинское *sententia* означает кратко и метко выраженную мысль, заключающую в себе практическую мудрость². В древнегреческой литературе гномы встречаются у Гомера, Гесиода и Солона. В этом жанре писали также и Секст, и Пифагор свои знаменитые «золотые изречения». Но не только в Древней Греции этот жанр имел широкое распространение. В древнем Израиле такими гномическими сборниками выступают книги Екклесиаста, Премудрости Сираха (Бен Сиры). Некоторые

¹ Аверинцев С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 151–152.

² См.: Аржанов Ю. Н. Сирийские ветхозаветные псевдоэпиграфы. СПб., 2011. С. 163.

сочинения Филона Александрийского, Иосифа Флавия «свидетельствуют о трансформации жанра философских сентенций в эллинистическом иудаизме от λόγοι σοφῶν, в которой в притчевой форме собирались нравственные положения иудейской религии»¹. В раннем христианстве жанр гномической литературы был легко воспринят, т. к. отражал в себе общее культурологическое наследие эллино-иудаистической среды. Большую цитацию сентенций можно встретить у Климента Александрийского в «Строматах»². В пользу того, что гномическая литература была хорошо известна в иудейской среде, а затем распространялась и в первых христианских общинах, свидетельствует тот факт, что в 1 Кор. 15: 33 ап. Павел цитирует моностихи Менандра в качестве своих мыслей³. Одним из первых, кто начал составлять «чисто» христианские сентенции, был свт. Григорий Богослов. Его подражателем стал Евагрий Понтийский, после которого жанр «сотниц» (сентенций) стал излюбленным в среде монашеской книжности. Однако в монашеской среде поэтика сентенций уходит на второй план, тогда как у Григория Богослова сентенции имеют чисто поэтический размер, состоящий из двух или трех элегических дистихов, содержание которых наполнено сильными и легкими сравнениями и уподоблениями, тонко-прозрачными аллегориями, неожиданными и поразительными антитезами. «Благодаря этим высоким качествам — совместно содержания с формой, гармонии мысли с образом выражения ее — длинное, примерно в 326 стихов, гномическое стихотворение, представляющее непрерывную цепь моральных наставлений, читается не только без утомляющего однообразия, но и с большим, до конца не ослабевающим подъемом»⁴. Гномическая поэзия по краткости своих строф была хорошо приспособлена к аккомпанементу простой и незатейливой игры на музыкальных инструментах,

¹ Аржанов Ю. Н. Указ. соч. С. 168.

² См.: Климент Александрийский. Строматы (кн. 4–5). СПб., 2003. Т. 2. С. 212–221.

³ См.: Аржанов Ю. Н. Указ. соч. С. 168.

⁴ Говоров А. В. Святой Григорий Богослов как христианский поэт // Полное собрание творений святых отцов Церкви и церковных писателей в русском переводе. М., 2011. Т. 2. С. 602.

поэтому легко распевалась в фольклоре. «Вообще же гномические стихотворения, благодаря меткости своих правил, изящной точности и изысканности языка, были особенно драгоценны по своей пригодности для воспитательных целей. Они охотно заучивались юношами и навсегда запечатлевались в их памяти; они пережили в истории литературы многие гениальные произведения классической древности»¹.

Примеры сентенций свт. Григория Богослова:

«Никакое пресыщение не бывает целомудренно, потому что огню свойственно сжигать вещество».

«Сведущий кормчий избежит девятого вала, а ум, обогащенный мудрыми мыслями, спасается от всякой беды».

«Плотская любовь, пьянство, ревность и бес равны между собой. К кому пришли они, у того погублен ум. Умерщвление плоти, молитва, слезы — вот целебные пособия! Это составляет врачевство и для моих недугов»².

Примеры из тропарей Постной Триоди прп. Феодора Студита:

«Людие седоша, якоже пишется, ясти же и пити, и восташа играти, служаще истуканному Веельфегору: виждь объядения лютыя волны (ср. Исх. 32: 6). Мы же постимся, и прославимся яко великий Моисей».

«Да никтоже нас унынием и леностию обложится, о братие! время делания, час торжества: кто премудр убо во един день приобрести вся веки?».

«Вгоре Хорив постом очищся, виде Бога Илия (ср. 3 Цар. 19: 12): очистим и мы постом сердце, и узрим Христа»³.

Жанр эпитафий и эпиграмм также оказал немалое влияние на стилистику гимнографического творчества. Эпиграммы и эпитафии относятся к традиционному жанру поэзии классицизма. Так же как и сентенции, это поэзия дидактическая и философская. «Классическое чувство гармонии, лежащее в основе этого художественного размера, требовало, чтобы содержание

¹ Говоров А. В. Указ. соч. С. 600.

² Григорий Богослов, свт. Творения. М., 2011. Т. 1. С. 162–164.

³ Феодор Студит, прп. Творения. М., 2012. Т. 3. С. 715, 737.

Научное издание

Иеромонах Никон (Скарга)

Ремесло гимнографа

Методологические наброски

Художественное оформление *Н. Е. Ильенко*

Корректор *В. В. Белокопытова*

Верстка *Ю. Б. Пашковой*

Подписано в печать 31.05.2022. Формат 60×90/16.

Объем 14,25 п. л. Доп. тираж экз.

Издательство Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета

115184, Москва, Новокузнецкая ул., д. 23б

E-mail: izdat@pstgu.ru

pub.pstgu.ru

Отпечатано в ООО «Клуб Печати»

127018, Москва, Марьиной рощи 3-й проезд, д. 40, стр. 1, офис 32